Молодой Грифон

Оракулы были божественными посланниками, спущенными к нам, ничтожным людям, с высот Олимпа Монс. Они расшифровывали слова бессмертных, начертанные на земле, и передавали их нам в понятной форме. Если их языки были нитью, то слова, которые они произносили, были запутанным плетением самой судьбы.

С незапамятных времён Оракулы указывали величайшим Героям путь к славе и предсказывали падение самых гнусных Тиранов. Недостаточно было сказать, что эти женщины были посланы небесами. Божественность была в самой их крови. В конце концов, как ещё они могли понять непостижимый язык пантеона?

Путь каждого чемпиона начинался с Оракула. Пророчицы существовали в каждой культуре, о которой стоит упомянуть, но интуитивно понятно, что Оракул – это отражение божества-покровителя. И, конечно, само собой разумеется, что Греческий пантеон превосходил все остальные.

Наши Оракулы были просто лучшими в мире.

Не случайно в разгар войны за Средиземноморье, когда свободные города-государства всеми силами пытались изгнать его армии, Завоеватель решил пробиться через кровавые моря гоплитов и Героев, чтобы поговорить с Оракулом. Одинокий, уязвимый как никогда в жизни, он пришёл в божественный храм не из-за безумия. Это было желание знать. Голод.

Когда Оракул плюнула на него и отказалась спрашивать богов о судьбе чужеземного Тирана, он вытащил её за волосы из священных владений и избил на улицах перед её народом и самими небесами. И горожане, и солдаты бросались на Завоевателя в возмущении и отчаянии, и все они были зарублены его яростью. В конце концов, это был не народ Греции и не сама Оракул, что сломались.

Её божество-покровитель вскричало устами самой Оракула и отдало Завоевателю то, за чем он пришёл, в обмен на её жизнь.

Это едва не стоило ему жизни во время отступления обратно к его войскам, и некоторые говорили, что перелом в войне полностью лёг на его плечи в тот момент. Отделённый от его войск, фаланги получили свой единственный шанс очистить наши границы от врага. И они им воспользовались. К тому времени, когда Завоеватель вернулся к ним, раненый и близкий к смерти, Македонские полчища полностью отступили. Они никогда не вернулись.

Мой отец, хотя, в тот единственный раз, когда он говорил об этом, сказал, что Завоеватель вряд ли ушёл от вторжения разочарованным. И если рассказы о том, что последовало за этим, были правдивы, он нашёл более чем достаточно успеха в других странах, на других полях сражений. Возможно, Оракул был частью этого. Возможно, нет. Как бы то ни было, потери, понесённые им в тот день, были просто платой за вход в божественный храм.

Бессмертная проницательность была благом, не требующим объяснений. И всё же мы были культиваторами, не так ли? В конце концов, нашей конечной целью было плюнуть в лицо небесам и сбросить их нити, не так ли? Какая разница, что говорят бессмертные? Почему верховного Завоевателя должны волновать слова существа, слишком трусливого, чтобы показать своё лицо, пока он избивал его избранного посланника?

Признаться, мне было любопытно посмотреть, из-за чего поднялась такая шумиха. Но я не искал пророчества. Я хотел встретиться с женщиной, которую коснулась божественность.

К сожалению, оказалось, что добиться аудиенции у такой женщины, было легче сказать, чем сделать. С тех пор как первый кириос Культа Бушующего Неба объединил великие силы Средиземноморья в стенах Олимпии, каждый из Оракулов теперь проживал здесь, на Каукосо Монс. Но это оказалось не таким удобным как я предполагал.

Я наблюдал, как ещё один посвящённый Бушующего Неба умолял принять его в храм Оракула, и ещё раз наблюдал, как посвящённый столкнулся с холодным отказом. Третий раз за несколько часов. Мистик, женщина с дикими глазами и седыми прядями в волосах, которые не соответствовали её видимой молодости, в истерических слезах выбежала из входной арки. Стражники даже не смотрели ей вслед. Огни Героических культиваторов тускло горели в их глазах.

Следовало ожидать, что не каждая дворняга с улицы удостоится аудиенции с божественным посланником, но я не ожидал, что всё будет настолько строго. До сих пор только один посвящённый был допущен в храм, и он сам был Героическим культиватором.

Слово оракула было началом и концом почти каждой великой эпопеи, бичом Тиранов во всём мире. Зачем им тратить своё дыхание на кого-то меньшего, чем Герой? С утра я проверил три из девяти храмов, и в каждом из них принцип оставался верен. Оставался только один вопрос: может ли Герой привести с собой друга.

Я приветливо помахал рукой охраннику справа, когда его влияние разбилось об меня, белыми волнами и опасными намерениями. К следующему.

Для каждого божества возвышенного пантеона был свой Оракул, который распространял их слово. По одному для каждого из восьми городов-государств и два для Побережья. Их храмы были разбросаны у подножия горы, перемешиваясь с личными владениями старейшин Бушующего Неба. Если когда-нибудь придёт другой завоеватель, из диких земель Македонии или откуда-нибудь ещё, им придётся сразиться с гораздо большим, чем их предшественник, чтобы добраться до своей награды.

Разумеется, младшим посвящённым было глупо даже ступать по этим освящённым тропам. Эти дороги, пролегающие между старейшинами, старшими посвящёнными и жилищами почётных гостей, таких как Оракулы, разрешалось проходить только привилегированным членам культа. Были и главные тропы – лестницы, вырубленные в склоне горы, чтобы посвящённые могли приходить и уходить из культа. Но эти сверкающие мозаикой цвета индиго дорожки не предназначались для младших и посторонних. Если бы это было так, то я бы уже наверняка увидел некоторых из них.

— Куда это ты собрался?

Вместо этого по этим дорогам ходили одни старшие.

— Добрый день, товарищи софисты, — поприветствовал я приближающуюся троицу. Три Философа, каждый из которых был заметно моложе меня и одет в мантии цвета глубокого индиго привилегированных мистиков культа.

Молодые гении, каждый из них.

Тот, кто окликнул меня, молодой Философ восьмого ранга, остановился, едва не столкнувшись

со мной, и ткнул пальцем в центр моей груди.

— Где твоя мантия, мистик? — потребовал он. — И почему ты не носишь её?

— Я её не получил, — ответил я, поднимая ладони. Что ты можешь сделать? Выражение лица молодого культиватора потемнело.

— Никто не проходит через ворота Культа Бушующего Неба без членства или спонсора, — сказал он, и я почувствовал в его словах любопытную тяжесть. От мгновения к мгновению оно становилось всё тяжелее, всё более гнетущей. Ничто по сравнению с Героем, однако… — Где твой спонсор? Ты хочешь сказать, что обвиняешь их в халатности, оставив тебя одного, не имеющего даже комплекта приличных одеяний?

Два других Философа вместе с ним, дети аналогичного престижа и в стилизованных мантиях, угрожающе шагнули ко мне. Их губы беззвучно шевелились – привычка, которую я заметил у некоторых наших Софических культиваторов ещё в Розовой Заре. Готовят какую-то добродетель или что-то ещё.

Лучше всего разрядить ситуацию, пока до этого не дошло.

— Естественно, я бы никогда не обвинил Бушующее Небо в подобном, — сказал я успокаивающе. — Они просто были слишком пьяны, чтобы справиться с мелкими деталями прошлой ночью.

Хм. Возможно, это был не самый лучший способ выразить мою мысль.

Молодой философ перешёл от тыканья в мою грудь, к крепкой хватке на золотистой ткани моей туники, чтобы притянуть меня к себе. Восхитительная сила для его возраста. Он уставился на меня, его глаза были яростно-терракотово-карими.

— Во что ты играешь, культиватор? — спросил он смертоносным тоном. Он напомнил мне Мирона во время предварительных испытаний обрядов посвящения. — Ходишь по дорогам, предназначенным для старших посвящённых и почтенных старейшин, нося то, чем бы это ни было…

— Что ты вообще носишь? — потребовал самый худой из троих. Он был самым высоким из всех, и сейчас он дорастал до своей взрослой формы. — Что за город носит такие цвета?

— А, это? — Я оторвал руку Философа от своей туники и потёр материал между пальцами. Он уставился на свою руку, а затем на мою. — Одна старуха дала мне это на похоронах кириоса. Сказала, что это неуважительно с моей стороны – приходить на похороны с голой грудью.

Они быстро соединили точки, посмотрев на моё культовое одеяние, которое висело на моей талии, изорванное и испачканное кровью. В их глазах промелькнуло недоверие, а затем насмешка.

— Розовая Заря? — недоверчиво спросил третий мальчик Философ. — Ты недавно прибыл из Розовой Зари.

— Только позавчера приплыл.

Ведущий мальчик перешёл в медленное хихиканье, и вскоре это хихиканье перешло в смех. Его друзья последовали его примеру. Это был такой уродливый смех, который обещает боль, но они были ещё слишком молоды и малы, чтобы действительно сделать его угрожающим. Так что в итоге мне тоже стало смешно.

— Заткнись! — огрызнулся лидер. — Из всех историй, которые ты мог бы рассказать, ты выбрал самую вопиющую! Алый Город был отрезан от Средиземноморья уже почти двадцать лет. Думаешь, мы бы не услышали, если бы это изменилось? Насколько наивными ты нас считаешь?

Что?

— Чужак, идущий по тем же тропам, по которым ступают старшие и почтенные старейшины, — сказал более высокий из троих, его собственное влияние пульсировало и расширялось так же, как и влияние лидера. Усиливается. — Без покровителя, который мог бы заявить о нем, и в фальшивом одеянии культа, к которому он не может принадлежать.

— Ты называешь меня лжецом? — спросил я на чистом инстинкте, мои мысли метались. — Моё добродетельное сердце не примет этого.

Губы ведущего Философа оторвались от зубов.

— Я называю тебя Воро́ной.

Трио пришли в движение.

Я сразу же понял, что эти трое были не тем типом Философов, к которым я привык ещё в Розовой Заре. Они двигались со скоростью и точностью, которые говорили о долгих часах в гимнасии, со слаженностью, которая говорила о крепкой связи общего доверия, и с силой, которая говорила об их природном таланте к культивации. Они ещё больше напомнили мне Мирона, и даже Николаса в дни перед его отъездом.

Более того, их влияние пело. Их пневма взывала ко мне, к чувству, которого у меня не было ещё два дня назад, и я услышал его в грохоте волн.

Смерть обманщикам! Влияние высокого и худого Философа обвиняюще кричало, обволакивая его тело и собираясь в его сжатые кулаки.

Искоренить крыс, влияние третьего Философа шипело, поднимаясь по его ногам, когда он прыгнул для удара с разворота.

Бросить недостойных на свет, сказало влияние лидера, самое ясное из трёх. Оно просочилось в корни его волос, заставив темно-каштановые локоны распуститься, когда он бросился в бой.

Трио напало на меня в полной тишине, и это было оглушительно.

Так вот как это было.

Это сердце не может лгать! провозгласил я голосом своей души и бросился вперёд, чтобы встретить их.

Кайно открыл дверь в свои покои, нося один лишь плащ из крокодиловой кожи. Я поднял бровь, но он только хмыкнул и откинул голову назад.

— Входи.

Я повиновался, увлекая за собой моих новых друзей. Все они жалобно стонали, придерживая мелкие раны, словно они находились на пороге смерти. Я закатил глаза и отпустил их.

— Не будьте такими, — отругал их я. — Я едва вас ударил.

Я выплюнул полный рот кровавой слюны на высокого, осторожно прощупывая языком шатающийся зуб. Для своего возраста они были хороши, надо отдать им должное. Они нанесли мне больше урона три на одного, чем уважаемые старейшины Розовой Зари впятером.

— Что это? — грубо спросил Кайно, обматывая вокруг талии выцветшие зелёные одежды, чтобы сохранить хоть какое-то подобие скромности. — Во что ты играешь, Грифон?

— Абсолютно ни во что, друг, — сказал я, махнув рукой в сторону трёх детей Философов. — Мне нужно было найти тебя, и эти трое были достаточно добры, чтобы направить меня.

— И ты вернул эту доброту, не так ли, — хмыкнул он, осматривая синяки и ожоги, и в случае с высоким – сломанную челюсть.

— Я сдерживался, когда мог, — сказал я, пожимая плечами. — Они лучше, чем кажутся.

— Я в этом уверен, — тихо сказал Кайно. Его тёмные глаза были пронзительными. — И я уверен, что это просто совпадение, что они нанесли тебе столько же урона, сколько Элисса на похоронах.

Это больше связано с тем, что она почти не старалась в то время, а эти трое выложились по полной. Я молча улыбнулся. Кайно хмыкнул.

— У меня слишком сильное похмелье для этого, — сказал он. — Вы. Принесите мне еды и воды. — Лидер троих посмотрел на его указующий палец, а затем на него с расширенными глазами.

— Ты действительно знаешь его, почтенный Герой?

— Что я тебе сказал? — спросил я, скрестив руки. — Мой спонсор был пьян.

Влияние Кайно бушевало в недовольстве, но он мало что мог сказать. В некотором смысле, новые компаньоны, которых мы с Солом нашли, были нашими спонсорами. Они привели нас в культ, к лучшему и к худшему. Конечно, это было по пьяни и непреднамеренно, но всё лучшее обычно так и происходит.

— Идите, — скомандовал Кайно. Все трое выбежали из комнаты так быстро, как только могли нести их ноги, бросая на меня опасливые взгляды.

— Хорошие мальчики, — прокомментировал я. — И умные для своего возраста.

— Бушующее Небо не принимает ничего меньшего, — сказал Кайно, тяжело садясь на край кровати и массируя виски. Когда я попытался добавить свои руки панкратиона, чтобы помочь,

он только шлёпнул их и посмотрел на меня. — Чего ты хочешь, Грифон?

— Я хочу увидеть Оракула.

— Тогда иди к ней. — Он неопределённо махнул рукой на восток, на противоположную сторону горы. — Алый Оракул в той стороне.

— Я пробовал, — признался я. — К сожалению, Философам не разрешается самостоятельно общаться с Оракулом. — Кайно молча смотрел на меня налитыми кровью глазами, его крокодильи глаза сверкали вместе с ним.

— Я сказал тебе на похоронах, что меня не интересуют игры политиков и Тиранов, — сказал он, наконец. — С чего ты взял, что я хочу участвовать в ваших?

Хо?

— Что ты имеешь в виду?

Кайно сплюнул на пол, губы скривились от привкуса чего-то нечистого: «Хочешь притворяться младшим – пожалуйста. Но я не буду впутываться в то, что задумали ты и твой мастер».

Хм. Я был опасно близок к тому, чтобы оказаться в положении выше моих сил. На похоронах я подошёл к Скифасу лишь со смутным планом, и с тех пор всё стремительно выходило из-под моего контроля. Возможно, это был мой единственный шанс отступить, пока ситуация действительно не вышла за пределы моего влияния.

С другой стороны.

— Почему ты думаешь, что ты ещё не впутан? — спросил я, приподняв бровь. — Может, они и младшие, но есть три юных гения, которые могут подтвердить, что ты не отказал мне, когда я назвал тебя моим спонсором. Что бы ни случилось, ты будешь частью того, что произойдёт дальше. В глазах старейшин и в небесах над головой.

Героический гигант стал очень неподвижным. Мелкие волоски на моих руках и затылке задрожали и встали дыбом. Мой пульс начал колотиться в смешанном чувстве возбуждении и предвкушении.

— Мы все были пьяны. — Даже когда он говорил это, он знал, что это не имеет значения. — Ты посмеешь шантажировать Героя?

Я закатил глаза. Так драматично: «Я не пытаюсь убить Оракула. Я просто хочу увидеть её. Ты поможешь мне или нет?»

Кайно оценивал меня: «Почему?»

— Почему я хочу её увидеть?

Он кивнул.

Я прислонился спиной к дверной раме, обдумывая вопрос. На этот вопрос было несколько ответов. Но в итоге был только один подходящий ответ.

— Говорят, что Оракулы – это кровь пантеона, — сказал я, словно рассуждая о солнце на небе. — Даже если это лишь самая малая часть, они несут в себе частицу одного из божественных существ, которые когда-то давно взобрались на Олимп Монс и сделали его своим.

— Оракулы больше не приносят пророчеств, — сказал Кайно. Я пожал плечами, криво улыбнувшись.

— Это нормально. Меня они в любом случае не особо интересуют, пророчества то есть. Сам Оракул и есть награда.

Он нахмурил брови: «Ты не можешь планировать…»

Я отмахнулась от этой мысли, с отвращением: «Ничего подобного. Всё гораздо глубже».

Кайно ожидающе развёл руками.

— Эта доля божественной крови – конец пути, по которому мы все так опасно мчимся, — сказал я. — Мчась со всем, что у нас есть, безнадёжно кренясь в глубины. — Я наклонился вперёд, и в его глазах я увидел огонь. Я улыбнулся. — Я хочу увидеть конец этой дороги, Кайно. А ты?

Герой застонал и встал.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3283108